

Визуальные нарративы города

Составитель Ян Левченко

Ян Левченко

Камера смотрит в город

РОССИЙСКИЕ КЕЙСЫ ВИЗУАЛЬНОГО УРБАНИЗМА

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_102

Jan Levchenko

The camera pointed at the city. Russian cases of visual urbanism

Большой город, назначенный быть «великим» (допустим, Лондон, Шанхай, Рио-де-Жанейро), изображается в культуре иначе, нежели небольшой и несколько не великий, зато, как правило, «уютный», «камерный», а может, даже богатый наследием (Винчестер в Южной Англии, Эгисхайм в Эльзасе, Козьмодемьянск в Марий Эл). Характерный итог урбанистической теории XX века подводит в своем обзоре городских успехов Шарон Зукин, сторонница городской активистской социологии и оппонентка великой Джейн Джекобс: «Изображения — от первых карт до почтовых открыток — не просто воспроизводили городские пейзажи. Это скорее были воображаемые реконструкции — с определенных точек зрения — монументальной мощи города» [Зукин 2015: 38]. Интересно, что авторка считает город монументальным по своей сути, поскольку всю жизнь прожила в Нью-Йорке и при необходимости помыслить альтернативу может помыслить, вероятно, Лос-Анджелес, ну, в крайнем случае, Остин, штат Техас. Ей вторит экономический урбанист Эдвард Глейзер, который 37 лет прожил в Нью-Йорке и уверен, что именно его город «остается парадигмой городской жизни», а его «история содержит в себе прошлое, настоящее и будущее наших городских центров» [Глейзер 2014: 13, 14]. В этой оптике прочие большие города оказываются производными Нью-Йорка, а о меньших можно и вовсе не говорить. Концентрация капитала,кратно обеспечивающая производительность труда, не оставляет им шансов.

В словесных и визуальных медиа большой город — объект бесперебойного воспроизводства под разными углами зрения. Нельзя провести границу между самим городом и его «образом» в старомодном, хотя все еще универсальном,

понимании Кевина Линча — как формой обратной связи между городом и наблюдателем, ограничивающей круг восприятия и определяющей, что наблюдатель способен воспринять [Линч 1982: 19]. Так, Джон Дос Пассос и Вуди Аллен, Пол Стрэнд и Мартин Скорсезе определяют образ Нью-Йорка в большей степени, чем девелоперы и градозащитники, также исходящие из стереотипов, закрепляемых массовой культурой. Видимо, никакого другого города, кроме того, что функционирует в текстах культуры, не существует. Но речь идет по большей части о столицах или культовых самодостаточных городах — аналогично нестоличному Нью-Йорку столь же активно позиционируют себя Стамбул, Санкт-Петербург, Торонто, Гамбург, Гуанчжоу, Мумбаи и др. Идентичность города отсчитывается от степени его конкурентоспособности по отношению к столицам, способности подтвердить «высокое», закрепленное модернистскими иерархиями положение даже в отсутствие формального статуса столицы.

Откроем наугад два издания по теме визуализации городов в кино. В сборнике статей, выпущенном в Университете Ливерпуля в связи с провозглашением города «культурной столицей Европы» 2008 года, обнаруживаются статьи о Стамбуле, Мельбурне, Лос-Анджелесе и Галифаксе в Новой Шотландии (Канада), один материал посвящен «не-местам», то есть медиативным пространствам типа автострад и аэропортов (в смысле Марка Оже [Оже 2017]), тогда как остальные тридцать текстов так или иначе имеют дело со столичным материалом, будь то Манила, Афины или Рига [Hallam et al. 2008]. Схожее тематическое распределение можно видеть в книге «Города в кино», выпущенной силами сотрудников НИИ киноискусства и ВГИК в 2013 году. Культовые Венеция и Барселона с их длительным сепаратистским шлейфом, а также Ницца и Биарриц — летние резиденции столичной публики — таков охват нестоличной географии, остальное — это те же Берлин и Лондон [Рейзен 2013]. Если у фотографа, нередко выступающего в роли визуального антрополога, есть мотивация и возможность ездить в альтернативные места, то в кино такую свободу позволяют себе разве что создатели неигровых фильмов. Игровое кино мыслит общими местами, которые само же и создало. Апофеозом стандартизации городского сеттинга стала выходявшая во второй половине 2000-х годов серия киноальманахов «Я люблю тебя», посвященных столицам вроде Парижа, Нью-Йорка, Гаваны и Москвы. Этот формат породил клоны в странах бывшего СССР. Свои версии сделали команды из Тбилиси и Бишкека, рассчитывая скорее инвестировать в туристическое будущее этих городов, что не встретило понимания зрителей, писавших на «Кинопоиске» отзывы о беспочвенных «подражаниях Москве». Если кино и снимает так называемую провинцию, то она будет «более странной, чем рай», как Джим Джармуш назвал картину, действие которой частично происходит в Кливленде, выглядящим как апофеоз нелепости¹.

1 Через несколько лет после этой черно-белой артхаусной работы Джармуш снимет более адаптированный под массовые вкусы фильм «Ночь на Земле» (1991) — сборник из пяти новелл, рассказывающих об отношениях водителей такси со своими пассажирами. Действие новелл происходит в Лос-Анджелесе, Нью-Йорке, Париже, Риме и Хельсинки — белый американец Джармуш идет от знакомого к незнакомому, имплицитно колониальную оптику уже во второй новелле, где желтым нью-йоркским такси пытается управлять с помощью своего афроамериканского пассажира симпатичный, но, разумеется, комически беспомощный выходец из Восточной Германии.

Предпочтения, оказываемые столицам и городам с мощным культурным капиталом в различных разделах визуальных исследований, вполне очевидны. При этом возникает характерный экономический эффект: чем более успешен тот или иной город, тем лучше он узнаваем, а чем лучше он узнаваем, тем более он успешен. Легендарная репутация и тотальная иконическая узнаваемость европейских городов — следствие их длительного превосходства, точнее, все более уверенной демонстрации этого превосходства. Ту же парадигму доминирования не просто воспроизводили, но усиливали Соединенные Штаты, сумевшие инвестировать в несколько городов и страну в целом достаточно культурного капитала, чтобы на рубеже XIX—XX веков вступить с Европой в конкуренцию на равных. Весь остальной постколониальный мир при всем его разнообразии — это производная европейской оптики, позволяющей ему продавать свои древности и другие туристические красоты в предсказуемой упаковке. Разумеется, время идет, и эта оптика сама принимает все более гибридные формы, вступая в фазу деколонизации. Но пока нет и речи о том, чтобы забыть о европейском происхождении этой оптики и сопровождающего ее языка.

Россия как культурное продолжение СССР воспроизводила центростремительную иерархическую модель, где Москва была наиболее иконически разработанным городом — без ложной скромности, «лучшим городом земли», на чьей главной площади «круглей всего земля». За исключением Петербурга с его двухвековой столичной форой ни один город России никогда не рассматривался вне модуса имплицитного умаления перед Москвой. За приемлемую экзотизацию «провинции» (все еще крайне травматичный термин) отвечают путеводители, адаптирующие для публики исследования краеведов-энтузиастов. За ее визуальную хронику — дорогостоящие фотоальбомы, финансируемые областными администрациями, чтобы дарить по официальным поводам гостям из соседних областей и федерального центра. Лишь в самые последние годы наметился сдвиг в сторону более пластичного и конкурентного предложения в просветительском секторе — экскурсионных сайтов, интерактивных карт, YouTube-каналов и т.д. Аудиовизуальные медиа медленно расшевеливают рынок, возвещая отмену жесткой иерархии репутаций.

Для авторов настоящей подборки принципиален отказ от понимания столиц как привилегированных поставщиков визуального контента. Хотя здесь и представлен один материал о Москве, он затрагивает более или менее маргинальный локус (парк скульптур «Музеон»), до недавнего времени работавший в фоновом режиме и лишь в 2010-е годы ставший зловещей сценой, где играет карнавал актуальной российской амнезии. Остальные тексты — о Владивостоке, Нижнем Новгороде и Калининграде, причем последнему посвящено сразу две статьи. Стоит оговорить, что в этом распределении нет никакой закономерности, хотя Калининград как, вероятно, особенный по своей драматической насыщенности регион России достоин не одной серии публикаций, близких по идеям и методам. Авторы подборки написали о близком, о местах своего обитания или частого пребывания, что нередко сообщает восприятию дефицитную дистанцию остранения. Основные темы, затронутые в подборке, вполне традиционны — память, наследие, толкование сообщений, которые городская среда посылает наблюдателю.

В статье **Елены и Ивана Головневых**, чьи аффилиации распределены между Екатеринбургом и Санкт-Петербургом, описываются образы «фрон-

тирных» территорий Российской империи — в данном случае Владивостока — в фотографиях Карла Йохана Шульца. Финский немец, попавший в первую волну переселенцев империи с крайнего Запада на крайний Восток (1870-е годы), Шульц скрупулезно документировал рождение города, фиксируя в своих снимках этапы колониального освоения региона, отчужденного в 1860 году от империи Цин по Пекинскому договору. Владивосток — контаминация слов «Владей Востоком» — стал самым восточным европейским городом империи во многом благодаря европейским принципам застройки и городского планирования, а также переезду носителей сугубо европейской, в терминах политики XIX века «цивилизующей», идеологии и соответствующей культурной идентичности. Шульц не просто первый профессиональный хроникер Дальнего Востока — это символическое воплощение модели имперского мультикультурализма и механизмов культурного трансфера.

Игорь Кобылин рассказывает о путях «художественной компенсации неудачной реконструкции» городской среды в оптике нижегородского художника, граффитиста и перформера, выступающего под ником Синий Карандаш. Он оставляет надписи, маркирующие отношение обобщенного горожанина к инициативам властей в сегменте так называемого благоустройства. В России это больной вопрос, взращенный тотальной коррупцией, низким профессионализмом и недоверием к честной экспертизе. И даже на этом сложном фоне Нижний Новгород — тяжелый случай: закрытый в советские годы, с трудом привыкающий к своей непарадной красоте, тщательно вырабатывающий язык ее описания и монетизации. Кажется, это единственный российский миллионник, где и сегодня можно встретить путеводитель по городским достопримечательностям толщиной с брошюру о коронавирусе. Сращение современного искусства с городским активизмом когда-то преобразило Манчестер и Йоханнесбург, и теперь бывший индустриальный узел на Волге обнаруживает ресурсы для переопределения своей концепции. Решать, какой она будет, не губернатору и прочему начальству с лицензированными лакшери-фотографами, а злему и неподкупному горожанину.

Как уже было сказано, две работы посвящены Калининграду. Статья **Сюзанны Фостовой** отрабатывает образ города в фотообъективе. Информационный прирост данной публикации, как это принято среди архивоцентричных историков, состоит во введении нового материала, а именно фотодокументов из архива Калининградской области и ряда личных коллекций. Составителю настоящего блока доводилось листать в этом областном архиве оцифровки авторских отпечатков газетных фотографий советского времени, но и они пока ждут контекстуализации и комментария. На первый взгляд, фотоматериалы щедро представлены в современных популярных и особенно подарочных изданиях об истории региона. Есть среди них уникальные работы, передающие хрупкую визуальную природу города, пережившего катастрофу [Вышемировский 2007], есть и такие, где задается канва рефлексии городской судьбы через сопоставление свидетельств разных эпох [Попов 2012]. Однако нельзя сказать, что трудная история Восточной Пруссии имеет сейчас сколько-нибудь «договорной» язык (само)описания. Например, советский период, о котором идет речь в статье Фостовой, практически не специализирован, у него нет лица и даже стремления его обрести. Впереди большая аналитическая работа, привлекающая не только традиционные для историка письменные источники, но и визуальный материал. Кинематографической истории кали-

нинградского региона посвящена работа **Яна Левченко**, открывающая серию публикаций о визуальных измерениях западной границы так называемого русского мира. И Калининград здесь даже не узел, но болезненный нарыв.

Наконец, уравнивая региональный и столичный материал, подборка включает статью **Елены Карпенко** о кэмповой эстетике парка скульптур «Музеон» (Москва), которая становится очевидной после его реконструкции. Подобно шоу-макету Золотого кольца в Ярославле или стандартным музеям иллюзий и «перевернутым домам», плодящимся по всей России, московский парк работает иллюстрацией истории как набора фетишей, провоцирующих постмодернистскую чувствительность. Современная Россия в своих визуальных измерениях от фотографии и кино до надписей и скульптуры выглядит остановкой в историческом пути, тянущейся паузой забвения.

Библиография / References

- [Вышемирский 2007] — *Вышемирский Д.* Кенигсберг, прости. Калининград: Pictorica, 2007.
(*Vyshemirsky D. Kenigsberg, prosti. Kaliningrad, 2007.*)
- [Глейзер 2014] — *Глейзер Э.* Триумф города. Как наше величайшее изобретение делает нас богаче, умнее, экологичнее, здоровее и счастливее / Пер. с англ. И. Кушнарева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
(*Glaeser E. Triumph of the City: How Our Greatest Invention Makes Us Richer, Smarter, Greener, Healthier, and Happier. Moscow, 2014. — In Russ.*)
- [Зукин 2015] — *Зукин Ш.* Культуры городов / Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
(*Zukin S. The Cultures of Cities. Moscow, 2015. — In Russ.*)
- [Линч 1982] — *Линч К.* Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Стройиздат, 1982.
(*Lynch K. The Image of the City. Moscow, 1982. — In Russ.*)
- [Оже 2017] — *Оже М.* Не-места. Введение в антропологию гипер-модерна / Пер. с фр. А. Коннова. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
(*Augé M. Non-lieux: introduction à une anthropologie de la surmodernité. Moscow, 2017. — In Russ.*)
- [Попов 2012] — *Попов М.* Параллельная память. 150 лет истории Кенигсберга и Калининграда в фотографиях. Калининград: Pictorica, 2012.
(*Popov M. Parallel'naya pamyat'. 150 let istorii Kenigsberga i Kaliningrada v fotografiyakh. Kaliningrad, 2012.*)
- [Рейзен 2013] — Города в кино: Сборник статей / Ред. О. Рейзен. М.: Канон +, 2013.
(*Goroda v kino: Sbornik statey / Ed. by O. Rejzen. Moscow, 2013.*)
- [Hallam et al. 2008] — Cities in Film: Architecture, Urban Spaces, and the Moving Image. An International Interdisciplinary Conference, University of Liverpool, 26–28th March 2008: Conference proceedings / Ed. by J. Hallam, R. Kronenburg, R. Koeck, L. Roberts. Liverpool, 2008.